ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 1972

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

10—12 ноября 1971 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР происходила юбилейная конференция, посвященная пятидесятилетию академического лингвистического центра в Ленинграде. Конференцию открыл старейший сотрудник Института В. И. Абаев.

Доклад чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкой (Ленинград) был посвящен роли лингвистических институтов Ленинграда в истории советского языкознания. Первый лингвистический институт, созданный 50 лет тому назад в Ленинграде, на протяжении многих лет сосредоточивал в себе основную работу в области теории языкознания. В нем работали крупнейшие советские языковеды — академики Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, Л. В. Щерба, В. М. Жирмунский, В. Ф. Шишмарев, С. П. Обнорский, С. А. Жебелев, И. И. Толстой, члены-корр. АН СССР Д. В. Бубрих, С. Е. Малов, В. И. Чернышев, Е. С. Истрина, Н. В. Юшманов, А. К. Боровков, профессора Б. А. Ларин, Л. П. Якубинский, В. А. Брим, К. Д. Дондуа и ряд других. Своим рождением исследовательский коллектив, собравший в себе языковедов — специалистов по разным языкам Советского Союза и зарубежных стран, был обязан Великой Октябрьской социалистической революции. Объединение для коллективной творческой работы ученых различных поколений, различного типа научной подготовки, различного круга исследовательских интересов было одним из важных шагов в организации молодой советской науки; оно имело целью разработку лингвистической теории на широком и новом языковом материале с применением положений марксизма-ленинизма.

Первый лингвистический Институт в системе Академии наук, получивший сначала название Института яфетидологических изысканий, был организован акад. Н. Я. Марром в 1921 г. В 1931 г. он был переименован в Институт языка и мышления. После смерти акад. Н. Я. Марра руководителем Института почти 20 лет был акад. И. И. Мещанинов. Работа Института постепенно расширялась, охватывая все большее число лингвистических специальностей и разную проблематику. Институт усиливал работу по подготовке научных кадров, в том числе для национальных республик. В 30-е годы в состав Института влились коллективы Словарной комиссии Академии наук, а также Ленинградского научно-исследовательского Института языкознания (бывшего Института речевой культуры). В 30-е годы теоретический профиль Института в значительной мере определялся исследованиями грамматических структур многочисленных языков Советского Союза, в особенности бесписьменных и младописьменных языков северо-востока Сибири, а также Северного Кавказа. Значительно продвинулось изучение истории германских и романских языков. Большая и плодотворная работа проводилась в области изучения русского языка. В Институте были развернуты подготовительные работы по созданию большого академического словаря, академической грамматики, атласа русских народных говоров, а также интересные исследования по исторической лексикологии, имевшие целью создание словаря древнерусского языка.

В 1950 г. был создан Институт языкознания Академии наук с центром в Москве. Ленинградский лингвистический коллектив сохранился и функционирует как отделение Института языкознания, включая в себя также и словарный сектор Института русского языка Академии наук. Он продолжает традиции, которые создавались трудами и талантами первых поколений советских лингвистов.

В своем докладе «Славистика и русистика в Институте языка и мышления» чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин (Москва) выделил четыре линии исследований в областях «славистика и русистика», проводившихся в Институте языка и мышления: 1) лексикография и лексикология, 2) академическая грамматика, 3) происхождение русского литературного языка, 4) лингвистическая география, и затем перешел к их подробной характеристике. Он остановился на дискуссиях, которые велись по вопросу о выборе теоретических основ академической грамматики и по вопросу о литературном языке древней Руси. По его мнению, ни Л. В.

Щерба, который продолжал линию А. А. Шахматова, ни С. П. Обнорский не были вполне правы, ибо в древней Руси еще отсутствовал единый полифункциональный литературный язык: религиозная литература основывалась на старославянском, деловая — на народно-разговорном языке. Сложна была история лингвогеографических исследований, пионером и главным представителем которых в СССР был акад. В. М. Жирмунский. Многое было сделано также Д. В. Бубрихом. Во время войны в работу по составлению атласа включилась группа московских диалектологов во главе с Р. И. Аванесовым. В заключение Ф. П. Филин подчеркнул важность преемственности в науке.

Доклад чл.-корр. АН СССР В. Н. Я р ц е в о й (Москва) был посвящен германистике и романистике в Институте языка и мышления. Хотя романо-германская филология оформилась в Институте языка и мышления позже, чем некоторые другие частные языковедческие дисциплины, ее развитие в стенах академического Института было очень плодотворным. Теоретические положения, разработанные на материале разноструктурных языков, развивались в работах М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона, А. В. Десницкой, В. М. Жирмунского и других романо-германистов. В работе Института принимал активное участие акад. В. Ф. Шишмарев.

Сравнительно с положением романо-германистики в русской науке начала XX в. после Октябрьской революции не только развернулась работа по составлению сравнительно-грамматических исследований, но и интенсивно шло изучение живых языков. Исследования в ИЯМ характеризовались свободой от узкого морфологизма, интересом к содержательной (понятийной) стороне конструкций.

В своем докладе «Изучение языков малых народов Севера в Институте языка и мышления — Институте языкознания» О. П. С у н и к (Ленинград) говорил о том, что их планомерное изучение началось только в 20-х годах нашего века. Он остановился на истории изучения языков малых народов советского Севера, Сибири и Дальнего Востока в Институте народов Севера, в Ленинградском университете, ЛГПИ им. А. И. Герцена, в Институте языка и мышления. Северные языки чрезвычайно интересовали Н. Я. Марра, который организовал обработку полевых записей, произведенных В. Г. Богоразом. Особенно важной для изучения северных языков была деятельность И. И. Мещанинова, собравшего вокруг себя научный кружок молодых лингвистов-северников. В 1935 г. И. И. Мещанинов прочитал в Ленинградском университете курс лекций с широким привлечением фактов этих языков, а в 1936 г. издал его в виде книги «Новое учение о языке». В «Общем языкознании» (1940) материалы северных языков были использованы еще шире. В послевоенные годы усилиями И. И. Мещанинова и некоторых его помощников работа по изучению северных языков была продолжена в ИЯМ, а позднее в ЛО ИЯ, где исследования по этим языкам ведутся и сейчас. Свидетельством тому являются многочисленные словари, грамматики, сборники текстов, описания диалектов, обобщающие очерки. Необходимо, как подчеркнул О. П. Суник, более широкое развертывание полевых исследований для фиксации некоторых постепенно исчезающих языков.

В докладе С. Д. К а ц н е л ь с о н а (Ленинград) была дана оценка синтаксической типологии 30-х годов. По его определению, типология как специальная лингвистическая дисциплина — это не обязательно классификация языков и не учение о типах языков, а скорее наука, продолжающая традицию универсальной и философской грамматики XVII—XVIII вв., т. е. наука о теоретических основаниях единства и своеобразия естественных языков. Анализируя типологические взгляды И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсон отметил, что аналогичную проблематику разрабатывали и многие другие ученые, подчас далекие от взглядов Н. Я. Марра. Вопросы типологии стояли в центре внимания многих советских языковедов и были навеяны более серьезными потребностями науки, чем интересы одного лишь «нового учения о языке». Типологическая концепция И. И. Мещанинова была генетической и, в отличие от многих современных типологических теорий, ставила перед собой цели раскрытия основных исторических стадий в формировании грамматического строя. При этом конструкции брались не изолированно, а как приметы своеобразного синтаксического строя. Теорию И. И Мещанинова отличало и то, что его типология ориентировалась на содержание языковых форм (в наиболее позднем варианте учения — на понятийные категории). Крушение стадиальной типологии было вызвано не ошибочностью исходных принципов, а неразработанностью категориального аппарата (под синтаксисом понимались и синтаксическая морфология и синтаксическое содержание; не учитывалось, что форма и содержание в языке не изоморфны; в плане содержания не вполне различались формы сознания, идеологические формы и формы мышления, а в самом языке — формальные и собственно семантические функции).

Доклад М. М. Г у х м а н (Москва) был посвящен универсалиям в лингвистических исследованиях 30—40-х годов, когда универсализму противопоставлялось историко-диалектическое понимание общего и частного. Важно было не столько обнаружить общее, сколько раскрыть специфические черты реализации

этого общего. Такой подход к соотношению общего и частного обусловил, например, характер синхронной типологии у И. И. Мещанинова. Другой характерной чертой исследований по универсалиям, проводившихся в Институте языка и мышления, являются поиски общих признаков в самом процессе развития языка. В 30-е годы была выдвинута гипотеза о существовании для каждого стадиального типа определенной системы взаимосвязанных признаков, т. е. стадиальных универсалий (ср. с импликационными универсалиями, описываемыми в современной лингвистике).

Содержательный аспект универсалий был ориентирован на систему синтактико-смысловых отношений, а не на логико-грамматические категории или типологию поверхностных (формальных) структур. Это определяло, отметила М. М. Гухман, новизну и оригинальность самой постановки вопроса не только по сравнению с более ранними логико-грамматическими схемами, но и сравнительно с универсалиями, выявленными во многих работах последних десятилетий, в которых нередко единичный, подчас мало релевантный, а то и случайный или частный признак возводится в ранг универсалии.

А. П. Евгеньева (Ленинград) в докладе «Работы по исторической лексикологии и лексикографии в Институте языка и мышления» осветила историю подготовки Словаря древнерусского языка, с которой были связаны исследования по исторической лексикологии. В 1925 г. Отделение русского языка и словесности РАН по докладу акад. А. И. Соболевского приняло решение образовать «Комиссию по собиранию материалов по древнерусскому языку». Созданную Комиссию возглавил А. И. Соболевский. В ее состав вошли акад. М. Н. Сперанский, акад. Б. М. Ляпунов, С. П. Обнорский, П. К. Симони, А. М. Селищев, В. Ф. Ржига и др. Комиссия начала разработку вопросов об источниках Словаря, его направлении, занялась подготовкой материалов. В 1931 г. она вошла в состав ИЯМ. Особенно широко развернулась работа с 1934 г., когда был создан постоянный штат сотрудников, во главе которого стал Б. А. Ларин. Выдвигаются новые проблемы, значительно расширяются задачи Словаря, ведутся исследования по исторической лексикологии. Создается «Проект» Словаря (1936). Начинается составление Словаря, однако широта и многообразие поставленных задач осложняют работу. Война прервала начатое дело, а послевоенное время выдвинуло новые задачи. Работа продолжается по пересмотренным принципам в Ленинграде до 1953 г. В настоящее время она ведется в Москве.

В докладе Г. Ф. Турчанинова (Ленинград) «Кавказоведение в Институте языка и мышления» шла речь об организации работы по изучению языков Северного Кавказа и Дагестана. В 20 и 30-е годы в ИЯМ велись исследования по таким языкам, как абхазский (Н.Я. Марр, К. Д. Дондуа, А. Н. Генко, Г. Ф. Турчанинов), черкесские (адыгские) (Н. Ф. Яковлев), кабардинский (Г. Ф. Турчанинов), лакский (Г. Б. Муркелинский), дидойский (цезский) (И. В. Мегрелидзе), чамалинский и аварский (А. А. Бокарев), даргинский (С. Л. Быховская), агульский и языки шах-дагской подгруппы яфетических языков Дагестана (Р. М. Шаумян). По некоторым из этих языков были подготовлены и выпущены в свет грамматики и словари. Традиции кавказоведческой работы в Ленинграде не прерываются. В настоящее время в Ленинградском отделении Института языкознания работает группа кавказоведов, сотрудники которой занимаются изучением абхазского, лакского, грузинского, аварского и адыгских языков.

О картвелистике в Ленинградском яфетическом институте — Институте языка и мышления рассказал член-корр. Грузинской АН Ш. В. Дзидзигури (Тбилиси). К моменту создания Ленинградского лингвистического центра картвелистика стояла на высокой ступени развития. В Институте работа сразу же развернулась по четырем направлениям: 1) текстологии, 2) структуре и лексике картвельских языков, 3) грузинской диалектологии и 4) грузинско-баскским параллелям. Исследования осуществлялись под руководством и при непосредственном участии акад. Н. Я. Марра. Наряду с разработкой теоретических вопросов картвелистики большое внимание уделялось полевой работе. Были исследованы и описаны такие диалекты грузинского языка, как имеретинский (С. Л. Быховская, Л. Г. Башинджагян, Ш. В. Дзидзигури), лечхумский (М. Я. Чикавани), гурийский (Н. Я. Марр, И. В. Мегрелидзе, А. А. Глонти), кахетинский (М. П. Чхаидзе), месхский (К. Д. Дондуа, Ш. В. Дзидзигури), говор грузинских евреев Ахалцихского района (Г. В. Церетели) и др.

В. И. Абаев (Москва) выступил с докладом «Яфетический институт. 20-е годы». Он поделился своими интересными воспоминаниями о том периоде в истории Яфетического института, который он назвал «романтическим». В. И. Абаев рассказал о сотрудниках, работавших в Яфетическом институте, о докладах и семинарах, проходивших на квартире у Н. Я. Марра, о том впечатлении, которое произвели на него встречи с Н. Я. Марром и Л. В. Щербой.

Заключительным на конференции был доклад Л. Р. Зиндера и Т. В. Строевой (Ленинград) «Институт речевой культуры и советское языкознание в 20—30-х гг.» Существовавший с

1921 по 1936 г. научно-исследовательский институт назывался первоначально Институтом сравнительного изучения литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), затем Государственным институтом речевой культуры (ГИРК) и, наконец, Ленинградским научно-исследовательским институтом языкознания (ЛНИИЯ). Ведущими проблемами, разрабатывавшимися в Институте, были история национальных языков, социальная диалектология, развитие синтаксиса в связи с развитием мышления, лингвистическая типология (издание серии «Строй языков» под ред. А. П. Рифтина) и др. В работе над этими вопросами участвовали многие лингвисты Ленинграда, не состоявшие в штате Института.

Конференция вызвала большой интерес самых широких кругов лингвистов. В библиотеке Института языкознания была развернута выставка, на которой были представлены работы сотрудников Института за истекшие 50 лет.

А. С. Либерман, Л. З. Сова (Ленинград)

*

27—29 октября 1971 г. в Институте русского языка АН СССР состоялся симпозиум по теории русской грамматики, посвященный обсуждению «Грамматики современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970). В симпозиуме приняли участие языковеды из 80 городов Советского Союза и зарубежные специалисты из ГДР, Болгарии, ЧССР, Венгрии, Югославии и США. Открывая симпозиум, директор Института чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин сказал, что обсуждение «Грамматики» должно иметь две цели: оценку ее достоинств и недостатков и обсуждение важнейших проблем грамматической теории. И то и другое важно потому, что на тот же коллектив под руководством Н. Ю. Шведовой возложена задача подготовить новую, академическую, грамматику русского языка. «Грамматика» 1970 г. является не академическим пособием-справочником, а экспериментальным исследованием. Академическая грамматика должна быть капитальным сводом всех грамматических правил и исключений из них; в ней не должно быть гипотез и иных положений, не проверенных в исследовательской и педагогической практике; ее теоретическая основа — то, что является более или менее общепринятым в русской грамматической науке.

Обсуждение «Грамматики» началось дискуссией по общим принципам ее построения. Было признано, что авторам в целом удалось осуществить главную из поставленных ими задач — показать языковые явления в системе, последовательно разделяя аспекты формы и ее функции. По мнению В. И. Кодухова (Ленинград), положительной стороной «Грамматики» является стремление к наиболее полному отражению языкового материала, к подчинению всех ее разделов единой, четко сформулированной точке зрения. Заслуживает одобрения попытка согласовать задачи исследования с принятой моделью описания, в которой списки образцов, систематизированных в виде парадигм и наборов схем, дополняются методикой изучения их конкретных реализаций. В сравнении с академической «Грамматикой» 1952—1954 гг. обсуждаемая «Грамматика» в большей степени учитывает функциональный и семантический аспекты языковых явлений. Вместе с тем предлагаемая методика, если оценивать ее с точки зрения пригодности для описания литературной нормы, страдает отсутствием критерия нормативности. Эта мысль получила поддержку в выступлении А. И. Моисеева (Ленинград), остановившегося на принципах отбора и способах подачи иллюстративного материала. В отличие от предшествующих грамматик, построенных исключительно на материале художественной литературы, подаваемом методом прямого цитирования, обсуждаемая книга оперирует преимущественно сокращенными речениями и примерами-образцами, смещающими весь материал в сторону свободной разговорной речи. А. И. Моисееву, оценившему этот факт отрицательно, возражали А. А. Леонтьев (Москва) и В. А. Ицкович (Москва), по мнению которых принципиальная и систематическая опора «Грамматики» на живую речь является ее большим достоинством. По мнению В. Н. Ярцевой (Москва), полнота охвата языковых фактов выгодно отличает обсуждаемую книгу от большинства зарубежных «структурированных» описаний, в которых стройность и непротиворечивость решений чаще всего достигается за счет обеднения самого языкового материала. Однако совместить полноту описания с его непротиворечивостью авторам не везде удалось. Общим условиям построения описательной (академической) грамматики языка посвятил свое выступление Б. Н. Головин (Горький). Особое внимание докладчик уделил вопросу о правомерности отхода от ряда традиционных решений в трудах такого типа. Б. Н. Головин изложил свое понимание академической грамматики как жанра, не допускающего пересмотра традиционных взглядов. Эта точка зрения была поддержана Е. С. Скобликовой (Куйбышев). Как синтезирующее исследование, сохранившее главные достижения русской лингвистической традиции и в то же время отразившее существенные стороны развития лингвисти-

ки, квалифицировали «Грамматику» А. Ф. Прияткина (Владивосток), И. А. Мельчук (Москва), Р. Эккерт (Лейпциг), Р. Ружичка (Лейпциг) и др. О большой роли, которую сыграет эта книга в преподавании русского языка нерусским, а также в исследованиях сопоставительного характера, говорилось в выступлениях Л. Л. Кима (Ташкент), Д. К. Джагацпаняна (Ереван), Л. Дежё (Будапешт), М. Ивич (Новый Сад), Р. Ружички. Положительное влияние «Грамматики» на развитие отечественного языкознания было признано большинством участников обсуждения. Негативная оценка книги, ее метода, материалов, способа изложения, композиции, предложенных решений содержалась в выступлениях Б. Н. Головина, А. А. Данилова (Вологда) и В. Л. Архангельского (Тула).

При обсуждении раздела «Сведения по фонологии» (автор С. Н. Дмитренко) были поставлены вопросы, связанные с выбором исходной фонологической теории, с определением объема необходимых сведений, с местом и назначением данного раздела в описательной грамматике. В ходе дискуссии выявилось несколько точек зрения. По мнению М. А. Жовтобрюха (Киев), в академической грамматике должно быть представлено максимально полное синхронное описание звукового строя русского языка в его фонологическом и фонетическом аспектах, с привлечением результатов экспериментального изучения звуков. Обсуждаемый же раздел страдает неполнотой (существенным его недостатком является отсутствие данных о сочетаемости фонем); кроме того, в нем есть некоторые противоречия, отсутствует связь с другими разделами. Негативная оценка раздела содержалась в выступлении К. В. Горшковой (Москва), квалифицировавшей работу С. Н. Дмитренко как элементарное изложение известной книги Р. И. Аванесова «Фонетика современного русского литературного языка». Напротив, Л. Л. Буланин (Ленинград) нашел в разделе дальнейшее развитие некоторых ключевых понятий концепции Р. И. Аванесова, например, понятия слабой фонемы, которое удачно определяется через ограниченную различительную способность.

Весьма противоречивыми были также оценки раздела «Альтернации в словоизменении» (автор В. А. Редькин). Общее одобрение получил сам факт включения такого рода сведений в грамматическое описание. Хотя и было высказано мнение, что обсуждаемый раздел занимает в «Грамматике» обособленное положение и требует оценки вне ее рамок (З. Д. Попова — Воронеж), в центре внимания оказались все же противоречия, в которые вступает этот раздел с другими главами книги. Это прежде всего — интерпретация фонемного состава алломорфов типа стол — [о] стол'[е], алломорфов именных основ с исходом на заднеязычный, отличные от интерпретации тех же явлений в главах «Парадигматика» и «Словообразование», иные, чем в фонологическом разделе, принципы классификации фонем и некот. др. В этой связи в выступлении С. М. Толстой (Москва) был поставлен вопрос о зависимости грамматического описания от фонологических и морфонологических решений. Докладчица показала, что хотя отмеченные противоречия и связаны с фактами, не имеющими однозначной трактовки в пределах самой фонологии, их можно было бы избежать, если учесть, что фонологический материал, с которым соприкасается грамматист, ограничивается лишь функционально значимыми явлениями и потому, как правило, однозначно предопределяет выбор между несколькими решениями. Исходя из этих соображений, следует признать, что в ряде случаев решения, принятые В. А. Редькиным, оказываются более целесообразными. Положительный отзыв о разделе содержался также в выступлении Р. М. Трифоновой (Оренбург). Иначе подошли к оценке раздела И. Г. Милославский (Москва) и С. В. Бромлей (Москва). Отметив ряд пропусков и фактических неточностей (преимущественно при описании беглых гласных), И. Г. Милославский связал их с общими недостатками теоретической концепции автора, в частности — с отсутствием противопоставления фонетических альтернаций нефонетическим. По мнению С. В. Бромлей, предложенное в разделе описание чередований лишь внешне имеет грамматическую направленность, поскольку в нем не учитывается, что морфонологические альтернации в системе языка образуют иерархические структуры, отдельные звенья которых в разной степени способны нести грамматическую функцию.

Критический анализ раздела «Ударение» (автор В. А. Редькин) содержался в выступлении Н. А. Еськовой (Москва), по мнению которой стройность предложенной здесь классификации акцентных кривых носит лишь внешний характер и достигается, с одной стороны, за счет существенных огрублений (теряется очень важное для русской акцентологии противопоставление подвижного и неподвижного ударения, не делается различия между основными и второстепенными акцентными кривыми), а с другой,— за счет выделения ряда аномальных парадигм, не по праву оказавшихся в основе построения. Высокую оценку раздела дала З. Д. Попова (Воронеж). Параллельно с обсуждением разделов «Альтернации» и «Ударение» шла речь о нецелесообразности разобщенного рассмотрения морфонологических и акцен-

тологических явлений в словоизменении и в словообразовании, поскольку при этом затушевываются важные общие закономерности (выступления И. Г. Милославского, М. А. Жовтобрюха, Н. А. Еськовой).

В результате обсуждения раздела «Словообразование» и примыкающего к нему «Введения в морфемику» (авторы В. В. Лопатин и И. С. Улуханов) было признано, что авторам удалось выработать надежные критерии синхронной мотивированности одного слова другим и, исходя из этих критериев, доказать возможность чисто синхронного осмысления процессов деривации (Г. С. Зенков — Фрунзе). Как первое сплошное описание системы русского словообразования, выполненное со строго синхронных позиций, квалифицировали обсуждаемый раздел Е. А. Земская (Москва), К. А. Тимофеев (Новосибирск), Н. А. Янко-Триницкая (Москва), А. Н. Тихонов (Самарканд), О. П. Ермакова (Калуга), А. Д. Зверев (Черновцы). По мнению П. А. Соболевой (Москва), принцип синхронного описания словообразования особенно четко проявился в интерпретации словообразовательных типов наречий, в выделении раздела о нулевой аффиксации, в выявлении всех возможных случаев усечения производящих основ. Исходя из синхронного состояния системы и из синхронных критериев производности, авторы поставили вопрос о направлении деривации, впервые в рамках академической грамматики подняв его на уровень принципа описания.

Положительным моментом является самый факт выделения словообразования в самостоятельный раздел грамматики (Р. Эккерт и др.). Достоинства описания во многом определяются и тем, что оно не сводится к простому перечислению словообразовательных аффиксов и их значений: в отличие от «Грамматики» 1952 г. здесь ставится и решается вопрос об иерархическом представлении данного языкового уровня. В ходе обсуждения конкретного материала ряд теоретических положений и практических выводов получил разноречивые, а иногда и взаимоисключающие оценки. Так, разошлись мнения по поводу изъятия из описания лексико-семантического способа словообразования (в защиту его выступил Р. М. Гейгер — Павлодар), различной была оценка нулевой суффиксации и усечений (критика этих разделов содержалась в выступлении Н. А. Янко-Триницкой), дискуссионным оказался вопрос о роли семантики при описании словообразовательных явлений. На взгляд Н. А. Янко-Триницкой, сдвиг всей проблемы словообразования в сторону семантики — главный недостаток обсуждаемой работы. Напротив, по мнению Ю. Д. Апресяна (Москва), нацеленность на семантику является одной из сильных сторон раздела. Эта прогрессивная тенденция находит здесь разнообразное проявление: она выражается, в частности, в элементах ономасиологического подхода к описанию словообразовательных средств, в сознательной установке на разработку метаязыка словообразования. О важности семантической стороны говорили А. Д. Зверев и Р. С. Манучарян (Ереван), Л. В. Сахарный (Пермь).

В сообщениях П. А. Соболевой и Г. С. Зенкова были поставлены вопросы, связанные с пониманием системы словообразования и с принципами классификации словообразовательного материала. По мнению П. А. Соболевой, в предложенной авторами классификации универсальное оказалось подчинено индивидуальному: словообразовательные значения — словообразовательным типам и через них способу словообразования, а не наоборот. Этот логический недостаток легко устранить, если положить в основу классификации не способ словообразования, а «деривационный шаг» (отношение категорий производящего и производного). Критика исходного принципа расположения материала по частям речи содержалась в выступлении Г. С. Зенкова, по мнению которого словообразовательные классификации должны строиться независимо от классификационных схем грамматики. Оба оппонента пришли к заключению о недостаточности сформулированного авторами понимания системы словообразования как совокупности словообразовательных типов и выдвинули в качестве актуальной задачи описание словообразовательных гнезд. Эта же мысль содержалась в выступлениях Л. Л. Кима, Е. Л. Гинзбурга (Москва), Р. С. Манучаряна.

В ряде выступлений содержалась критика отдельных сторон словообразовательного анализа. По мнению Л. Л. Кима, утверждаемое авторами тождество лексического значения слов разных категорий (типа *косить—косьба*) допустимо лишь с известными оговорками, поскольку лексическое значение не ограничивается соотнесенностью с денотатом. О необходимости более четкого разграничения лексической и синтаксической деривации при описании словообразования отдельных частей речи говорилось в выступлении О. П. Ермаковой, остановившейся также на некоторых вопросах словообразования наречий. О внутренних связях словообразования и синтаксиса и о недооценке этого момента в обсуждаемом разделе шла речь в выступлениях Е. Л. Гинзбурга и Г. А. Смирновой (Москва). Вопросу об отношении видового словопроизводства и словообразования посвятил свое выступление Л. Андрейчин (София). Сожаление по поводу недооценки

теоретической и практической стороны процесса универбации высказывалось в сообщении Р. Эккерта.

В дискуссии по разделу «Введение в морфемику» центральными оказались проблемы, связанные с принципами идентификации морфем, с понятием позиции в словообразовании, с разграничением разных видов морфем. Вопросу о пределах допустимого варьирования аффиксальных и корневых морфем и условиям объединения морфов в одну морфему посвятила свое выступление Е. А. Земская. Она выразила несогласие с определением позиционного распределения как такого употребления единиц, при котором они встречаются и в разных позициях, и в одной. По мнению Е. А. Земской, нельзя также считать позиционно распределенными алломорфами морфы, сочетаемость которых с основами задается списком. Коснувшись вопроса о квалификации выделяемых частей слов, Е. А. Земская пришла к выводу о недостаточной разграниченности понятий алломорфии, наращений и остаточно выделяемых отрезков. О некоторых непоследовательностях в процедуре отождествления и разграничения морфов, свидетельствующих об отходе авторов от принятой ими физической концепции морфемы на позиции «чистого функционализма», шла речь в выступлении Г. С. Зенкова. На нечеткость определения и разграничения некоторых основных понятий морфемики указывалось в выступлениях Л. А. Быковой (Харьков), А. Д. Зверева и В. С. Гимпелевича.

Проблема морфемного варьирования получила теоретическое освещение и в выступлении Т. В. Булыгиной (Москва). Подчеркнув принципиальную важность предложенного в разделе различения двух видов обусловленности формального различия между морфами одной морфемы и отметив ряд непоследовательностей в осуществлении этого принципа, Т. В. Булыгина предложила детализировать классификацию, с тем чтобы отграничить собственно морфемное варьирование от тех случаев изменения звукового облика морфем, которые или определяются фонологическими законами языка и не относятся к морфологии или хотя и имеют отношение к морфологии, но не являются случаями равноправного чередования алломорфов одной морфемы в подлинном смысле слова.

Критическое рассмотрение раздела с точки зрения теории порождающей грамматики содержалось в выступлении Д. Уорта (Лос-Анжелес), отметившего недостаточную четкость и эксплицитность в изложении некоторых основных понятий и связавшего эти недостатки с принципиальным отказом авторов вести описание в терминах «глубинных» и «поверхностных» структур. О предмете морфемики и ее месте в предложенной модели описания шла речь в выступлениях К. А. Тимофеева и Е. С. Кубряковой (Москва). По мнению К. А. Тимофеева, в задачу морфемики должно было бы войти комплексное изучение грамматических и словообразовательных функций морфем. Недостаточное внимание авторов к функционированию морфем отметила Е. С. Кубрякова, посвятившая свое сообщение обсуждению критериев разграничения словообразования, словоизменения и формообразования, которые в предложенной модели описания остались невыявленными.

При обсуждении раздела «Морфология» (автор В. А. Плотникова, кроме глав «Категория вида» и «Категория залога») наиболее дискуссионными оказались решения, связанные с его композицией, системой дефиниций, методом описания грамматических категорий, классификацией частей речи и принципами их разграничения, трактовкой отдельных категорий. В выступлениях И. П. Мучника (Москва), В. С. Гимпелевича, Г. П. Ижакевич (Киев) было признано нецелесообразным раздельное описание частей речи, грамматических категорий и парадигм, поскольку такое описание не способствует компактному представлению о той или иной части речи в целом. Противоположную позицию заняла в этом вопросе З. Д. Попова. Были предложены и иные схемы построения «Морфологии». По мнению М. А. Мельчука, следовало бы упорядочить подачу словоизменительных категорий, уже в самом описании четко разделив их на семантические и синтаксические. В понимании А. В. Бондарко (Ленинград) морфология должна строиться на противопоставлении (и одновременно — взаимодействии) морфологических категорий и лексико-грамматических разрядов, причем в основу описания должно быть положено понятие функционально-семантического поля. Вопрос о принципах классификации частей речи в связи с решением проблемы местоимения был рассмотрен в сообщении Е. П. Кржижковой (Прага). По ее мнению, при выделении местоименийсуществительных в «Грамматике» недостаточно учтен семантический критерий, а также допущена известная непоследовательность: более целесообразным было бы или объединить местоимения-существительные с существительными, подобно объединению местоимений-прилагательных с прилагательными и местоимений-наречий с наречиями, или выделить все местоимения в особую часть речи, как это делалось в традиционной грамматике. Критериев выделения числительных коснулся в своем выступлении В. С. Гимпелевич. Решение вопроса о степенях сравнения, в соответствии с которым в системе форм имени прилагательного оставлен только компаратив, а пре-

восходная степень вынесена в раздел словообразования, подверглось критике в выступлении А. Н. Шрамма (Калининград). К словообразованию, по его мнению, следует отнести лишь элатив. Большое количество разноречивых оценок вызвала трактовка категорий рода, числа и падежа имен существительных. На необходимости исключения рода и одушевленности из числа грамматических категорий имени настаивал И. А. Мельчук, квалифицировавший их как «синтаксические признаки» основы, подобные типу склонения или глагольному управлению. Понимание рода как синтаксико-номинативной категории было изложено в выступлении И. П. Мучника. Против трактовки падежа как категории синтаксиса возражала Г. П. Ижакевич. По мнению М. Ивич, сведения, касающиеся рода и числа, не всегда могут считаться полными; в некоторых местах цельность информации теряется из-за излишней обобщенности излагаемого материала; в ряде случаев дефиниции не охватывают всех рассматриваемых явлений; в описании падежной системы не выделены частные микросистемы.

О главах «Парадигматика» шла речь в выступлениях М. М. Гухман (Москва) и В. Н. Ярцевой. Если исходить из определения, которое дается парадигме глагола, сказала М. М. Гухман, то из парадигматических форм должны быть исключены аналитические конструкции, которые интерпретируются, однако, как формы слова. Вместе с тем вызывает сожаление, что при описании парадигм не показана строевая роль морфологизованных чередований и варьирования акцентной структуры словоформ. Остаются неясными критерии деления глагольной парадигмы на суженную, расширенную и комплексную, а также принципы отбора аналитических форм. На вопросе о парадигме неизменяемых слов остановилась В. Н. Ярцева, отметившая необычность применения понятия парадигмы не к ряду форм, а к одной форме.

Ряд замечаний касался трактовки категорий вида и залога (автор Н. С. Авилова). Отметив, что в основу определения видов положен признак предела действия, А. Н. Тихонов признал, что автору удалось просто и точно истолковать это очень важное для аспектологии понятие. Впервые в академической традиции в грамматику введены способы действия, хотя их взаимодействие с видами осталось не вполне раскрытым. Известное противоречие содержится, по мнению А. Н. Тихонова, в определении вида то как лексико-грамматической, то как грамматической категории. На рассмотрении этого определения подробно остановилась М. М. Гухман, выразившая свое несогласие с тенденцией квалифицировать вид и залог как классификационные категории. Главную задачу при изложении проблемы вида М. М. Гухман видит в том, чтобы показать втягивание словообразовательных процессов в соотносительные связи со словоизменением. Несогласие с положением о наличии в языке абсолютно одновидовых глаголов несовершенного и совершенного вида, с определением несовершенного вида как немаркированного члена оппозиции, с интерпретацией отношения вида и способа действия выразила А. А. Камынина (Москва). Проблема залога получила освещение в выступлениях Л. Л. Буланина, М. М. Гухман и Ю. В. Фоменко (Новосибирск). Считая главным вопросом теории залога установление системы залогов, Л. Л. Буланин признал более удачной принятую в «Грамматике» двучленную оппозицию (актив—пассив) взамен трехчленной, представленной в «Грамматике» 1952 г. В выступлении были высказаны возражения, связанные с трактовкой залогового формообразования, с отказом авторов от интерпретации пассива совершенного вида как аналитической формы, с невниманием к синтаксическому аспекту залога и некоторыми другими моментами. Неточность в определении залога отметил Ю. В. Фоменко, коснувшийся вопроса о компонентах семантической структуры залога. Возражения, связанные с составом форм, отнесенных к залогу, содержались в выступлении М. М. Гухман, по мнению которой включение в лексико-грамматическую категорию залога трех разных по смысловой структуре и по уровню категориальности явлений (актива — пассива, переходности — непереходности и возвратности) указывает на нечеткость критериев разграничения грамматических, лексико-грамматических и семантико-словообразовательных категорий.

В ходе обсуждения разделов «Подчинительные связи слов и словосочетания» и «Простое предложение» (автор Н. Ю. Шведова, кроме глав о порядке слов) выявилось несколько глубоко различных подходов к интерпретации и оценке предложенных здесь решений, к общей теоретической концепции автора. Наиболее дискуссионными оказались вопросы, связанные с введением и освещением новых для теории предложения понятий, с методом и приемами лингвистического анализа, с пониманием синтаксиса как системы, базирующейся на противопоставлении словосочетания и предложения как качественно различных языковых единиц. Исходя из того представления об уровневой стратификации, при котором об особом уровне можно говорить лишь тогда, когда определенные закономерности невозможно объяснить на основе ранее установленных, Р. Ружичка признал разобщенное описание словосочетания и предложения теоретически не-

достаточно аргументированным и практически более усложненным, вынуждающим к повторению некоторых общих правил и к раздвоению некоторых общих явлений. Напротив, по словам М. Ивич, таким подходом к синтаксису русская школа еще раз подтвердила свою оригинальность, свой самобытный путь развития. В ряде выступлений спорными были признаны решения, касающиеся интерпретации связей в структуре предложения. По мнению А. С. Попова (Глазов), объяснение специфики предикативного сочетания путем констатации особой связи не является доказательным. Как зависимость, опирающуюся на категориальные свойства глагола, склонен квалифицировать подлежащно-сказуемостную связь Р. Ружичка. Свои аргументы в защиту понимания предложения как «связной» подчинительной структуры изложила Е. В. Падучева (Москва). На общности механизма сцепления слов в словосочетании и предложении настаивала А. Ф. Прияткина (Владивосток).

О подчинительных связях слов в словосочетании шла речь в выступлениях Ю. Д. Апресяна, А. И. Мухина (Ленинград), Д. К. Джагацпаняна, Е. С. Скобликовой (Куйбышев), М. Ивич, О. Б. Сиротининой (Саратов), И. А. Поповой (Москва), Е. Н. Ширяева (Москва). В сравнении с «Грамматикой» 1952 г., сказал Ю. Д. Апресян, обсуждаемый раздел отличается прежде всего богатством информации; особенно высокой оценки заслуживает описание управления, где впервые в академической традиции систематически освещены не только вопросы простого управления (с обязательным указанием на то, чем предопределяется тот или иной его тип), но и даются сведения о семантических классах управляющих слов, о вариативности управляемых форм, о трансформируемости и др. Однако некоторые моменты этой полной картины остались мало разработанными; более последовательного разграничения требуют синтаксический и семантический аспекты управления. По мнению М. Ивич, освещение конгруэнтных явлений между глагольным префиксом и употребляемой предложной формой и указание на двойные, тройные и многоструктурные связи значительно обогатили представление о специфике русского управления. В дальнейшем следует уделить больше внимания семантической и стилистической стороне проблемы, вопросам синонимии вариативных форм. О возможностях использования раздела о связях слов в практике преподавания русского языка нерусским, а также при сравнительном изучении языков говорилось в выступлениях Д. К. Джагацпаняна, Л. Дежё и М. Ивич. Трактовку управления как факта словаря, а не грамматики, предложил А. М. Мухин. Резкая критика раздела в целом прозвучала в выступлении Е. С. Скобликовой. Ее отрицательная оценка предложенного здесь описания опиралась на утверждение о его внутренней противоречивости и неудовлетворительности исходных принципов.

Обсуждение раздела «простое предложение» сконцентрировалось вокруг понятий «структурная схема» и «парадигма предложения»; в тесной связи с этими вопросами рассматривались и другие положения (о синтаксическом времени и наклонении, о детерминантах и др.). Отношение теории предложения к общей теории высказывания было темой выступлений Ю. В. Ванникова (Москва) И. П. Сусова (Тула), И. Я. Чернухиной (Воронеж), Г. С. Токаря (Ужгород). При обсуждении понятия «структурная схема простого предложения» было подчеркнуто, что с его введением и обоснованием изучение синтаксической системы языка получило собственно грамматическую основу. Перспективность и плодотворность описания синтаксиса в терминах структурных схем и их регулярных реализаций были признаны Н. В. Черемисиной (Уфа), А. Ф. Прияткиной, Н. П. Савицким (Прага), Е. П. Кржижковой, Т. А. Тулиной (Одесса), Л. Дежё, Д. Н. Шмелевым (Москва), Р. Ружичкой, И. П. Святогором (Калуга), В. А. Ицковичем, В. Г. Гаком (Москва), Л. Н. Мурзиным (Пермь) и др. Вместе с тем было отмечено, что будучи лишь самой первой попыткой представить в систематическом виде формальный костяк простого предложения в русском языке, это описание не свободно от недостатков: не вполне ясными еще остаются границы и компонентный состав многих структурных схем (Е. П. Кржижкова, Т. П. Ломтев — Москва, И. П. Распопов — Воронеж, Г. А. Золотова — Москва), их списку недостает пока внутренней упорядоченности и иерархичности (Д. Н. Шмелев, Н. Д. Арутюнова — Москва, Р. Ружичка, Н. П. Савицкий). В то же время сами по себе эти схемы являются абстракциями разных уровней (Н. Н. Арват — Черновцы, Е. П. Кржижкова, И. П. Распопов, В. С. Юрченко, Н. В. Черемисина). Пути устранения этих недостатков одни оппоненты видят в более углубленной разработке функционального аспекта (Н. Д. Арутюнова), другие — в более последовательном обращении к аспекту семантической структуры (В. Г. Гак), третьи — в переосмыслении самого понятия структурной схемы с учетом истинности суждения (Т. П. Ломтев), четвертые — в пересмотре вопроса о главных членах предложения (Г. А. Золотова). Было высказано соображение о необходимости более принципиального разгра-

ничения свободных и фразеологизированных схем (Д. Н. Шмелев, Н. Д. Арутюнова, Т. А. Тулина). Негативную окраску имело выступление И. П. Распопова, утверждавшего невозможность построения учения о предложении на собственно формальной основе.

В ходе обсуждения парадигмы предложения требующими дальнейшей разработки и обоснования были признаны вопросы, связанные с определением ее уровневой принадлежности и конкретного содержания со стороны состава форм. Тезис о морфологическом характере описанной в «Грамматике» парадигмы развивался в выступлении А. В. Бондарко, направившего основное внимание на критику главной идеи автора — положения о существовании синтаксических категорий времени и наклонения, с которыми связывается представление о предикативности как грамматическом значении предложения. По мнению А. В. Бондарко, предикативность находит свое выражение не в синтаксическом времени и наклонении, которые понимаются в «Грамматике» неоправданно широко, а в функционально-семантических категориях модальности, темпоральности, персональности и временной локализованности. Свое согласие с предложенной в «Грамматике» трактовкой синтаксического времени выразила Е. Н. Прокопович (Москва), остановившаяся на некоторых моментах, полнее выявляющих специфику этой категории. О парадигме предложения и ее отношении к морфологической парадигме глагола в связи с критикой теории нулевых форм и эллипсиса сказуемого, сторонником которой выступил Л. С. Бархударов (Москва), шла речь в выступлении Ю. М. Костинского (Ворошиловград). О больших перспективах, открывающихся перед исследователями синтаксиса в связи с идеей парадигматики предложения, говорилось в сообщении Г. А. Золотовой, изложившей свое понимание синтаксической парадигматики. На необходимости более четкого определения предела возможных «парадигматических разветвлений» предложения настаивал И. П. Распопов. Свою интерпретацию отдельных форм парадигмы предложил Н. П. Савицкий. Солидарность с идеей парадигмы предложения и принципами ее описания выразил В. И. Чернов (Куйбышев), возражавший, однако, против выдвижения этого аспекта на главные позиции в синтаксисе. Эта же мысль прозвучала в выступлении Ю. В. Ванникова (Москва), указавшего на целесообразность более тщательной разработки синтагматического аспекта предложения. Призыв к дискуссии относительно принятого в «Грамматике» метода описания синтаксиса прозвучал в выступлении Л. С. Бархударова, квалифицировавшего этот метод как «поверхностный» анализ с элементами «глубинного» подхода. Точку зрения Л. С. Бархударова разделил Ю. В. Ванников. Н. Д. Арутюнова говорила о том, что формальный аспект в синтаксисе явно подчинил себе функциональную сторону описываемых явлений. Вообще проблема синтаксического объекта и метода его описания, как она сформулирована в предисловии к «Грамматике», находилась в центре внимания на протяжении всего обсуждения данного раздела.

В обсуждении глав, посвященных порядку слов в предложении и словосочетании (автор И. И. Ковтунова), приняли участие О. А. Лаптева (Москва), Т. М. Николаева (Москва), Р. Ружичка, О. Б. Сиротинина, Л. Дежё. По мнению Р. Ружички, изложение словопорядка в неразрывном единстве с актуальным членением является одним из больших достоинств «Грамматики». К этой точке зрения присоединились Л. Дежё, высказавший пожелание расширить описание коммуникативных форм предложения до трех- и четырехчленных структур, и О. Б. Сиротинина, разошедшаяся с Р. Ружичкой лишь в оценке приема подачи материала. О. А. Лаптева и Т. М. Николаева подвергли критике как то понимание актуального членения, которое принято автором раздела (Т. М. Николаева), так и некоторые положения самого этого учения (О. А. Лаптева).

Весьма положительную оценку получил раздел «Сложное предложение» (автор В. А. Белошапкова). Было отмечено, что, не порывая с «Грамматикой» 1952 г. и опираясь на работы школы Н. С. Поспелова, автор сумел описать сложное предложение как особую синтаксическую единицу, обладающую своим структурным механизмом и своей семантикой. Соображения и замечания критического характера касались прежде всего объема описания, за пределами которого оказались полипредикативные сложные предложения и сверхфразовые единства (выступления Г. В. Валимовой—Ростов, В. А. Шитова — Вологда, Г. П. Уханова — Калинин, Р. П. Рогожниковой — — Ленинград, И. Р. Гальперина — Москва, М. Д. Мишаевой — Ульяновск, И. А. Кирюхиной — Харьков, М. В. Симулика — Ужгород) и степени разработанности отдельных проблем, главным образом в сфере бессоюзия (Е. А. Иванчикова — Москва, А. Ф. Кулагин — Ульяновск). Были отмечены некоторые противоречия, в которые вступает этот раздел с описанием структуры простого предложения. Это — различие в подходе к определению грамматического значения (выступления Е. В. Гулыги — Москва и Г. В. Валимовой), несогласованность общей методики описания, которая имеет здесь собственно классификационный ха-

рактер (В. И. Кодухов). Некоторых противоречий в самом описании сложного предложения коснулся Л. Ю. Максимов (Москва), указавший, в частности, на отсутствие четкой иерархичности классификационных критериев, вследствие чего некоторые типы предложений оказались перекрещивающимися. Соображения, касающиеся общей теории сложного предложения, были высказаны в сообщениях Г. П. Уханова и Е. А. Иванчиковой. На недостаточное внимание автора к явлениям функциональной синонимии было указано в сообщении Е. В. Гулыги. Свое несогласие с положением об изоморфизме сложного предложения со словосочетанием выразили Л. Ю. Максимов и Э. И. Коротаева (Ленинград).

В конце дискуссии авторы «Грамматики» ответили на возражения и замечания оппонентов, дополнительно аргументировали некоторые из принятых ими решений, в ряде случаев разъяснили свои теоретические позиции.

В заключительном слове редактор книги Н. Ю. Шведова, отметив, что в ходе обсуждения «Грамматики» было дано столько разноречивых и часто взаимоисключающих оценок, сколько давно не получала ни одна лингвистическая книга, остановилась на наиболее существенных моментах дискуссии. Выражая мнение авторского коллектива, Н. Ю. Шведова приняла критику, констатирующую спорность и несогласованность некоторых решений, несовершенство ряда определений, различную степень детализации описания, неполноту характеристик некоторых категорий. В то же время Н. Ю. Шведова выразила свое решительное несогласие с теми оппонентами «Грамматики», которые склонялись к отрицанию ее методологического единства. За исключением разделов «Ударение» и «Альтернации в словоизменении», сказал она, все главы этой книги объединены общим стремлением изучать грамматические единицы в органическом единстве их формы, грамматической семантики и функции. Такое понимание природы грамматических единиц и принципов их описания, опирающееся на русскую грамматическую традицию и продолжающее ее, определило ориентацию прежде всего на те работы, которые помогали осветить материал с этих точек зрения. Н. Ю. Шведова еще раз подчеркнула, что обсуждаемая «Грамматика» по своему характеру является описательной; она может рассматриваться как известный опыт, продвигающий подготовку академической грамматики как произведения особого научного жанра. Принципы построения такой грамматики требуют специального обсуждения.

И. Н. Кручинина (*Москва*)

*

21 октября 1971 г. состоялось расширенное заседание Ученого Совета Института языкознания АН СССР, посвященное 70-летию со дня рождения доктора филологических наук Э. В. Севортяна.

Во вступительном слове В. Н. Ярцева, характеризуя научную деятельность Э. В. Севортяна за последнее десятилетие, придавала большое значение «Этимологическому словарю тюркских языков», над составлением которого юбиляр работает эти годы. Труд этот, первый том которого объемом в 65 авт. л. уже представлен Ученым Советом издательству, позволит воссоздать широкое историческое полотно в развитии не только лексики тюркских языков, но и системы их словообразования [1].

А. Н. Кононов в своем докладе осветил научную биографию Э. В. Севортяна, который, всю жизнь изучая фонетическую и грамматическую системы тюркских языков, посвятил себя двум наитруднейшим, по мнению А. Н. Кононова, занятиям — написанию грамматики и составлению словаря.

Первым из тюркологов Э. В. Севортян защитил в ноябре 1935 г. кандидатскую диссертацию, тема —«Порядок слов в простом предложении анатолийско-турецкого языка». В последующие годы его занимает фонетическая проблематика южных тюркских языков в широком сравнительном аспекте, результатом разработки которой явился фундаментальный труд «Фонетика турецкого литературного языка» (М., 1955). Параллельно изучалась история падежной системы, проблемы частей речи и истории их развития в тюркских языках, соотношения грамматики и лексики на тюркском материале, а также многие другие теоретические вопросы грамматики в сравнительно-историческом плане. Велась также работа над морфологией азербайджанского языка — Э. В. Севортян является одним из главных редакторов и соавторов «Грамматики азербайджанского языка» (Баку, 1971), впервые выпущенной на русском языке.

В своем докладе на Координационном совещании по вопросам методов изучения истории тюркских языков (Ашхабад, октябрь 1959 г.) Э. В. Севортян, отличающийся строгостью исследовательского метода, подробно проанализировав работы предшественников и современное состояние исторического изучения тюркских языков в СССР, прозорливо наметил направления исторических исследо-

[1] См., в частности: Э. В. Севортян, Об «Этимологическом словаре тюркских языков», ВЯ, 1971, 6.

ваний в области тюркских языков. Разработанные им на широком фоне тюркологических проблем монографии «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» (М., 1962) и «Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке» (М., 1966) являются крупнейшими в настоящее время трудами по сравнительно-исторической морфологии тюркских языков. В составляемом этимологическом словаре исследуется морфо-семантическая структура тюркских языков.

Выступавшие отметили, что имя Э. В. Севортяна, продолжателя лучших традиций отечественной тюркологии, «ненавистника поспешных заключений», неразрывно связывается с активно развивающимся ныне сравнительно-историческим изучением тюркских языков.

В лице Э. В. Севортяна пытливый исследователь блестяще сочетается с талантливым педагогом. Э. В. Севортян подготовил свыше 50 дипломированных специалистов по многим тюркским языкам.

Министр высшего и среднего специального образования Узб. ССР Г. А. Абдурахманов подчеркнул, что не одно поколение тюркологов формировалось под воздействием трудов Э. В. Севортяна; им определено направление исследований многих молодых узбекских ученых.

Важным периодом в формировании молодых кадров советской тюркологии явилась педагогическая деятельность Н. К. Дмитриева, Э. В. Севортяна, В. М. Насилова, Э. Н. Наджипа на созданном в 1943 г. восточном отделении филологического факультета МГУ им. Ломоносова.

Э. В. Севортян — активный член редакционной коллегии издаваемого в г. Баку научно-теоретического журнала «Советская тюркология», чл.-корр. Турецкого лингвистического общества (Türk dil kurumu). По инициативе Турецкого лингвистического общества предпринят перевод двух монографий Э. В. Севортяна — «Аффиксы глаголообразования...» и «Аффиксы именного словообразования...» — на турецкий язык; одновременно осуществляется также перевод этих двух книг на немецкий язык.

Собравшиеся пожелали Э. В. Севортяну сил и здоровья для завершения составляемого им «Этимологического словаря тюркских языков», который явится выдающимся событием современной тюркологии.

Г. Б.

CONTENTS

Articles: V. M. S o l n c e v (Moscow). On the notion of level of the linguistic system; **Discussions:** A.V. B o n d a r k o (Leningrad). Contribution to the theory of field in grammar — the category of voice; V. K. Ž u r a v l e v (Moscow). The neutralisation of phonological oppositions; G. D o e r f e r (Göttingen). Is it possible to solve the problem of kinship of the Altaic languages from the point of view of Indo-European linguistics?; L. A. P o k r o v s k a j a (Moscow). Concerning one «balkanism» in the Gagauz language and in Balkano-Turkish dialects; A. K. M a t v e j e v (Sverdlovsk). Interaction of languages and methods of toponymic research; **Materials and notes:** M. A. B o r o d i n a (Leningrad), N. N. M i l m a n (Leningrad). On the reconstruction of the linguo-geographical chart; G. K. V e r n e r (Taganrog). Reconstruction of syllabic tones in Yenissei languages of the XIX century; Y. L a u č e t e (Leningrad). Lexical baltisms in the Slavonic languages; T. V. R o ž d e s t v e n s k a j a (Leningrad). The importance of the graffiti of the XI—XIV centuries for the study of the history of the Russian language of the later period; T. A. I v a n o v a (Leningrad). Concerning the ABC written on the wall of the St. Sophia cathedral in Kiev; N. A. Y e s k o v a (Moscow). On the principles of compilation of the Russian normative dictionary of the orthoepic type; V. S. M o č o s (Moscow). Composition and structural features of the principal verbal classes in modern Greek; **Critics and bibliography; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: V. M. S o l n c e v (Moscou). La notion du niveau du système linguistique; **Discussions:** A. V. B o n d a r k o (Léningrad). Contribution à la théorie du champ grammatical — la catégorie de la voix; V. K. Ž u r a v l e v (Moscou). La neutralisation des oppositions phonologiques; G. D o e r f e r (Göttingen). Est-ce possible de résoudre le problème de parenté des langues altaïques du point de vue de linguistique indo-européenne?; L. A. P o k r o v s k a j a (Moscou). À propos d'un «balkanisme» dans la langue gagauze et dans les dialectes balkano-turques; A. K. M a t v e j e v (Sverdlovsk). Interaction des langues et méthodes des investigations toponymiques; **Matériaux et notices:** M. A. B o r o d i n a (Léningrad), N. N. M i l m a n (Léningrad). Sur la reconstruction de la carte linguo-géographique; G. K. V e r n e r (Taganrog). Reconstruction des tones syllabiques dans les langues yénissei de XIX siècle; Y. L a u č e t e (Léningrad). Baltismes lexicaux dans les langues slaves; T. V. R o ž d e s t v e n s k a j a (Léningrad). L'importance des graffiti de XI—XIV siècles pour l'étude de l'histoire de la langue russe de période postérieur; T. A. I v a n o v a (Léningrad). A propos de l'abécédaire sur le mur de la cathédrale de St.-Sophie à Kiev; N. A. Y e s k o v a (Moscou). Principes de la compilation du dictionnaire normatif russe de type orthoépique; V. S. M o č o s (Moscou). Composition et traits structuraux des principales classes verbales en grec moderne; **Critique et bibliographie; Vie scientifique.**

Технический редактор *Г. И. Пронина*

Сдано в набор 29/II-1972 г. Т-05083 Подписано к печати 28/IV-1972 г. Тираж 7200 экз.
Зак. 242 Формат бумаги 70×108 1/16 Усл. печ. л. 14,7 Бум. л. 5¼ Уч.-изд. л. 16,1

2-я типография издательства «Наука». Москва. Шубинский пер., 10